

Я ПРИНИМАЮ РОЛЬ

СТИХ ПЕРВЫЙ. ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ.



Сцена, маскарадный бал,
Конфетти и мишки.
«Коля, ну давай, сыграй,
Палача из книжки».

Под улыбками друзей
Примеряю маску,
И под ней тая свой смех,
Начинаю сказку.

«На колени, грязный шут,
Мерзкое явление», –
Я кричу. И он упал,
Выполнив веление.

Распласталась предо мной
Шея неприкрытая,
Рву наверх я свой топор.
«Поп, кончай с молитвою.

Почему здесь смрад и мрак?»
Давят декорации.
Снизу было всё не так,
Помогите, братцы, мне.

Чую, маска палача
С кожей срастается,
А весёлая душа
В камень превращается.

Древко жжёт, и мой топор
Просит свежей крови.
Да, желание – оно
Пострашней неволи.

Только плаха, я и шут.
В пекло представление.
Где же крики? Эй, толпа,
Где же одобрение?

– Сейчас подойдешь к санитаркам, спросишь Оксану, она тебе выдаст два халата. Халаты должны быть всегда чистыми. Чтобы ни грязи, ни, упаси Господи, пятен крови, понял? – завхоз скучно, с некоторым презрением, посмотрел на меня поверх вытертых до жёлтого металла очков.

Я равнодушно пожал плечами, и он подвинул ко мне посевшую от возраста амбарную книгу. Я поставил две закорючки. Ручка была липкая, и захотелось помыть руки.

– Если испачкают, отдашь в стирку санитарке. Если порвут, зашиваешь сам. Или больным отдашь, со второго этажа. Они от безделья только рады будут. Только с ними аккуратнее, если не хочешь, чтобы на тебе какая-нибудь молодая приворот испытала, – завхоз снова посмотрел на меня, и я уловил в его взгляде истертую и редко используемую способность к шуткам, – Ты же не знаешь, что в её голове и по диагнозу? Да ещё под таблетками, – он показал мне прокуренные зубы, и я продемонстрировал ему свои.

Потом я расписался ещё за что-то и отправился на первый этаж разыскивать санитарку Оксану. Половицы старого хрущевского здания прятались под дырявым линолеумом и тоскливо поскрипывали, натерпевшись видимо за свою жизнь предостаточно. В коридоре было с десятков больных. Кто-то сидел на корточках, прислонившись к кисло-желтой стене; кто-то с видом зомби маршировал, стоя на месте; кто-то с тем же видом тащил свои ноги вдоль коридора палатного отделения. Вид почти у всех был жутковатый. Казенные пижамы в полоску и цветочек были застиранными и напоминали робу заключённых. Пациенты проводили меня взглядом до дверей сестринской. Смысл во взгляде присутствовал не у каждого, но реакция на движущиеся объекты была почти у всех. В голове шевельнулась ассоциация с фильмом ужасов.

Перешагнув через лениво скользящую по полу швабру в руках одной из пациенток, я осторожно прошёл кусок мокрого пола и оказался в проёме дверей сестринской.

– Здравствуйте, – обратился я к трем женщинам в белых халатах. Женщины, продолжая разговаривать, пробежались по мне взглядом и отвернулись. Моё приветствие осталось без ответа.

– Здравствуйте, – повторил я. – Я новый санитар. Мне сказали к Оксане подойти – халаты получить, – я вложил всю свою доброжелательность в молчаливую тишину крохотного кабинета.

Кроме женщин в белом, в крохотном кабинете ещё «присутствовали» диван, кресло, рабочий стол и окно за толстой решеткой. Женщины нехотя оторвались от обсуждаемой темы и посмотрели на меня с тем же выражением, что и завхоз, то есть с откровенной скукой и легким презрением. Этот неприятный и очень поверхностный интерес иссяк достаточно быстро. Они продолжили свой разговор так, словно меня здесь и не было да и слов никаких не произносилось.

Несколько больных увязались за мной ещё в коридоре. Они демонстрировали любопытство к происходящему и заглядывали в кабинет через моё плечо. После моего приветствия эти делегаты громким шепотом отправили к остальным новость: «Новый санитар устраивается». Не успел ещё звук растаять в воздухе, как моя персона начала набирать рейтинг. Количество зрителей за моей спиной увеличилось, а свежего воздуха убавилось. Это вызвало некоторое оживление среди медицинского персонала.

– Ну, чего мы здесь толпимся? – командным голосом поинтересовалась одна из моих будущих коллег. Она авторитетно встала из-за стола и вылила остатки чая в железную раковину. Затем развернулась к двери и попробовала разогнать сборище взглядом. Говорящая была достаточно молода, очень аккуратно одета, стройна и красива. Приятной я бы назвать её не решился из-за слишком холодных глаз и тонких надменных губ. В целом, женщина была очень сильно похожа на врачиху из «Гнезда кукушки». Да и вообще, очень скоро я понял, что совпадений с образами этого фильма было немало. Видимо, создатель шедевра был «в теме».

– Быстро, начиная с задних рядов, разошлись по палатам, – холодно и жестко отдала команду медсестра. – Сережа, ты понял?

Она в упор посмотрела на застывшего у дверей худенького мальчика лет 14-ти, одетого в безразмерную пижаму. Сережа несколько секунд бессмысленно глядел на её грудь, а потом, не выразив эмоций и возражений, повернулся сразу всем телом и зашмыгал тапками по линолеуму, наработывая в нем новые дыры. Пространство за мной очистилось. Тут же из-за спины говорящей выскользнула невысокая плотная дама в белом халате, которая до начала разгона зрителей молча сидела на диванчике. Она была примерно того же возраста, что и первая – лет тридцати пяти, но куда более приветливая на лицо. Её фигура с осанкой, способной дать фору отставному офицеру, была необычайно стремительна и подвижна.

– Иди за мной, – скомандовала она мне, выходя из кабинета. Голос был мягкий, но с отчётливым и быстрым проговариванием звуков. – Меня Оксана зовут. Тебя в чью смену поставили?

Ни ответить, ни представиться я не успел. Она ходила быстрее, чем я реагировал на вопросы, и я считал более важным поспевать за ней. Оксана решительным шагом неслась по узкому коридору, я шёл позади в нескольких шагах. При нашем приближении больные шарахались к стенке, уступая дорогу. Тех, кто находился в состоянии «растения», более разумные дергали вслед за собой. Я слышал, как за спинами по коридору шуршал шепоток: «Новый санитар устраивается».

В тот момент я ещё не осознавал, какая власть и какой страх сочетались в произнесённых словах. Я ещё не видел себя глазами этих людей, не мог понять, что в их любопытстве была веская причина. Только значительно позже до меня дошло, что от того, кто я и что из себя представляю, зависело очень многое в длительном и вынужденном заключении этих несчастных.

Маленькая подсобка в конце коридора, куда мы и пришли, провоняла хлоркой и мочой. Оксана отомкнула увесистый амбарный замок и по-хозяйски взялась перекладывать вещи на стеллажах, легко переходя вверх и вниз по двум зашмыганным табуретам. В процессе своих перемещений она бегло оценила мою

тощую и долговязую фигуру и выбрала на верхней полке пару белых халатов.

– Второй – на смену, – пояснила она скороговоркой, всовывая мне обмундирование. – Как испачкается, отдашь мне. Так ты в чью смену?

– Ещё не знаю.

– Значит, в нашу будешь, – заключила она, приглядываясь ко мне, – Сейчас тебя Анжела к нам припишет. Петровича подвинет кому-нибудь, а тебя к нам.

– Почему? – просто из вежливости поинтересовался я, не имея особого интереса к тому, вместо кого и в какой смене мне предстоит работать.

– У тебя на лбу высшее образование написано, а её от этих алкашей уже тошнит, – легко расшифровала Оксана помыслы загадочной Анжелы.

Потом она повернулась ко мне всем телом и впилась в меня недоверчивым и изучающим взглядом, – Что ты вообще здесь делаешь? Одет вроде хорошо. На придурка не похож, – в её голосе и взгляде прорезалось столько неподдельного изумления, что я не нашелся, что ответить, и просто пожал плечами. – Ладно, потом познакомимся, – женщина спустилась на землю и подтолкнула меня к выходу. – Вон, в коробке, твой главный инструмент лежит, – она указала мне на ящик, забитый длинными стеганными лентами, напоминающими пояс дзюдоиста.

Оксана не ошиблась, я действительно оказался приписан к их смене. Медсестрой по имени Анжела была именно та жёсткая дама, которая продемонстрировала мне одну из методик разгона сборищ в этом заведении. Для меня она оказалась не Анжелой, а Анжелой Андреевной. И общалась со мной примерно тем же тоном, что и с больными. Потихоньку стало доходить, что уже сам факт моего трудоустройства сюда лишил меня возможности считаться здоровым.

Я опять расписался в нескольких журналах, принимая на себя ответственность за свои неправильные действия и действия

больных в мой адрес. Закончив с бумажными делами, мы перешли к инструктажу. Наставления Анжела Андреевна выдавала мне в фоновом режиме, параллельно создавая какой-то больничный контент.

– На работе не пить. Один раз попробуешь – через месяц будешь безработным алкашом. Сразу себя правильно поставь, – эти слова были сказаны с некоторым сомнением, после беглого осмотра моей худощавой фигуры, – если больные поймают тебя на слабинке, всё – порядка не будет. Для всей смены будет не работа, а наказание. По правилам больных бить нельзя! – Анжела Андреевна выделила эту фразу голосом, внеся в неё формальную отстраненность. Для этого она даже оторвалась от бумаг и сделала короткую смысловую паузу, означающую: «бить надо, без этого никак». Однако вслух запретных мыслей не произнесла. – Если в суд подадут и синяки найдут, то и посадить могут. Понял?

– Извините, пожалуйста, а я что, один в смене санитар? – робко поинтересовался я.

– По правилам – двое. Только таких, как ты, не очень много. А нормальных и того меньше. На первых порах, конечно, никто тебя одного не оставит. Потом видно будет, – она вернулась к своим бумагам, продолжая выдавать информацию. – Больница у нас двухэтажная. Первый этаж для тех, над кем нужен постоянный контроль. Второй для лёгких, от которых неприятностей не ожидается. А если будут, переведут вниз. «Первый этаж» за твой пост выходить не должен. Только в сопровождении медика. Вон та дверь, – она указала взглядом на половинку дверного полотна через коридор от сестринской, – это у нас «особая» палата. Там буйные. Этих вообще никогда и никуда не выпускать просто так. К телефону в предбаннике никого не пускать без моего разрешения – они любят звонить и жаловаться во всякие инстанции. Посетители и передачи только в установленные часы.

Анжела Андреевна решительно закончила и щелчком положила ручку на стеклянную поверхность древнего стола. Выждав «ухом» мою реакцию, она повернулась и посмотрела мне в глаза их

фирменным «корпоративным» взглядом, но в этот раз она добавила туда оттенки чего-то другого: то ли жалости, то ли сострадания.

– Завтра твоя первая смена. В день. Придешь к восьми, остальное тебе Володя расскажет. Он у нас один из правильных санитаров.

– Анжела Андреевна, у меня вопрос есть.

– Ну?

– Я иногда должен буду в институт уходить...

– На вечернем?

– Нет, на дневном.

– А как же ты учиться собираешься? – в её голосе проступили нотки действительного удивления.

– Мне сказали, что можно будет дневные смены на ночные менять. А «день» по выходным обрабатывать.

– Это, как ты с другими санитарями договоришься. В ночь и по выходным? Ну, смотри. Никто тебя за язык не тянул, – впервые за время беседы улыбнулась Анжела Андреевна. Не на все улыбки хочется тоже ответить улыбкой...

ЗА ГРАНЬЮ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

СТИХ ПЕРВЫЙ. ЭПИЗОД ВТОРОЙ



*Там за сценой тот же мир.
Люди про веселие.
А на сцене крови пир,
Палача затмение.*

*Нереален взрыв петард,
Между нами жизнь и смерть.
«Как играет», «Это дар»,
«Да, приятно посмотреть».*

*И мелькают конфетти,
И палит шампанское.
Нет ни сцены, нет ни стен,
Только декорации.*

*Только несколько шагов -
Сцена возвышения.*

*Там мир смеха. Здесь топор
И к шуту презрение.*

*Отчего вдруг эта грань,
Словно сам себе чужой.
Может дело моё дрянь?
Власть покажет гонор свой.*

*И на спину сапогом
Я встаю, шута давя.
Кем по сказке я ведом?
Кто теперь под маской я?*

А не оглядеться ли нам по сторонам, дорогой мой Читатель? Я бы хотел похитить у тебя маленькую толику времени для того, чтобы пройтись по окрестностям того заведения, в котором мне предстояло работать.

Вынужден признать, что больница, принявшая нового работника так буднично и равнодушно, не служила украшением нашему маленькому и уютному городку. Хотя ничего особенно и не

портила. Это было невзрачное старое строение, укрытое за высоким и глухим бетонным забором. Забор был немногим ниже самой больницы и в сложившейся композиции однозначно лидировал. Несмотря на то, что данное архитектурное творение располагалось практически посередине города, пропади оно внезапно – никто бы и не заметил. Пешеходные тропы и автомобильные дороги обходили это место стороной, стоящие рядом многоэтажные дома выпускали своих жителей в противоположную сторону, а небольшой пустырь между домами и больницей был слишком горбат и лопухаст, чтобы привлекать к себе детвору или мамочек с колясочками.

Теперь добавьте к описанному выше уютные дворики, разлётшиеся по другую сторону злосчастного заведения – с двухэтажными мазанками, лавочками и бельевыми площадками. Пораскидайте рядом крохотные огородики и полузаброшенные клумбы, заботливо украшенные автомобильными покрывками. Введите в этот мир элементы жизни в виде старушек на скамейках, чумазых ребятишек и девочек в маминых туфлях. Туда же не забудьте включить кошку, загнанную на дерево кучей терпеливых котов, и пару шавок с виляющими хвостами и виноватым взглядом сонных и послушных глаз. Ах да, для пущей правдивости придётся создать неприятное вкрапление в виде икающего и матерящегося пьяницы, одной рукой упирающегося в стену дома, а другой шарящего в штанах. Ну, вот теперь, кажется, всё. Перед нами она – обстановка вокруг бетонного забора с втиснутой за него больницей. Мирная и спокойная, можно сказать, уютная.

Двигаемся дальше. Возьмём шире и взглянем на наш городок. Дай Бог памяти, как же он выглядел в те года? Насколько я помню, ко времени, описанному в книге, власть и электрификацию тёмные силы уже победили, а вот капиталистические пороки в людей ещё не внедрили. Да, совершенно верно, прогресс находился как раз в точке обнуления моральных и исторических ценностей. А отношение к бизнесу строилось на восприятии громкоголосой и бесцеремонной тётки с рынка. К советскому укладу уже

добавились ларьки и барахолки, остальное оставалось прежним – мир наслоившихся эпох. Да, что же это я, чуть не забыл – в нашем городке был Бродвей. Какой-нибудь зануда может меня одёрнуть, сказав, что наш Бродвей Бродвеем не мог считаться, по причинам недостаточной ширины и отсутствия престижных вернисажей. Всё это правда, но он именно так и назывался.

Вся эта красота в зависимости от сезона утопала то в зелени, то в грязи, то в снегах, то в лужах. Лужи бывали всевозможных форм и размеров и иной раз могли соперничать с местными озёрами. Наверное, жителям любого другого провинциального местечка эта будничная картина ничего не скажет и лица нашему городу не придаст. Всё, как и везде: обустроенные под торговые ряды остатки добротных купеческих построек; умирающее царство стареньких домиков, плотно жмущихся друг к другу; девятиэтажные небоскрёбы и так далее, и так далее.

Вне всяких сомнений – уютный был городок. Спросите: «Почему был? Не случилось ли с ним чего?». Нет, с городом всё в порядке. Да вот уют куда-то испарился. Может быть, остался в детстве, а может быть, из людей выветрился.

Я увлёкся. Вернёмся к строгому забору и стыдливо укрывшемуся за ним зданию.

Для просвещённой части населения здание представляло собой что-то малоинтересное, но с забавным и пугающим названием. Скорее декоративным, нежели функциональным. Люди менее любопытные наслаждались полной неосведомлённостью. Да и зачем подобные знания нормальным людям? Приличные заведения за бетонными заборами не прячутся. Были, конечно, персоны, которые могли бы рассказать о происходящем внутри, да кто же им поверит? Многим из них и самые близкие родственники не верят. Что уж там говорить – пациент психиатрической больницы не самое доверенное лицо и в семье, и в сколь-нибудь приличной компании.

Как мы уже с вами поняли, город был лишен беспокойных мыслей об этом учреждении, отгородив его от себя, больные, со

своей стороны, были лишены возможности нарушать покой в районе благодаря усердию персонала. Здесь почти никогда не происходило ничего необычного. Из уютного мира города за калитку заходили прилично одетые и хорошо ведущие себя люди. Из той же калитки выходили не менее приличные граждане. Случалось порой видеть и заплаканных женщин, и скорую помощь у ворот заведения, так на то она и больница. Шум, веселье и подъезжающие по ночам машины полиции с веселыми огоньками – это удел ночных клубов.

Территориально «психушка» была как раз посередине моей дороги от дома к институту, и это было удобно. Когда я за завтраком обмолвился, что нашёл подработку, родители отнеслись к этому одобрительно и на удивление спокойно. Денег в ту пору уже нигде не было, так зачем же отказываться от лишней копеечки?

На момент трудоустройства мои планы не предполагали глубокого погружения в эту специфичную деятельность – больше забава, кураж перед друзьями. Однако в тот день, когда я выходил из больницы с парой белых халатов, у меня зародились первые опасения о разумности моей авантюры. Предчувствие подсказывало, что работа предстоит из разряда тех, которую хочется оставить каждый раз, когда переступаешь её порог. Уж очень особняком стояла эта деятельность от всей остальной моей жизни. Жизнь была светлая, по-юношески приятная и беззаботная, а работа казалась мрачной и скучной. Предчувствие обмануло. Оно ничего не сказала о предстоящей опасности, а уж тем более о том, что меня будут бить по голове табуретом. Если уж оно оказалось слепым в таких важных вопросах, глупо сетовать на то, что оно умолчало о предстоящих сомнениях в собственном здравомыслии.

ИНСТРУКТАЖ

СТИХ ПЕРВЫЙ. ЭПИЗОД ТРЕТИЙ.



*Что творю я? Не рождён
В злобе и жестокости.
Вдруг рука мне на плечо:
«Ну? Какие сложности?»
 «Не могу рубить голов,
 Заберите маску.
 Я по жизни не таков,
 Мне б добрее сказку.»
Длань скользнула по спине,
Вмиг тревогу унося.
«Ты не бойся – это роль,
А не вечная стезя.
 Что с тебя, что дурен шут?
 Нет твоей оплошности.
 Ты руби. Не тяжек труд.
 Ну, какие сложности?»*

Где-то слышал, что в некоторых банках кассиров перед тем, как допустить к работе, проверяют на отношение к деньгам. словно бы случайно заводят нового работника в центральное хранилище, забитое купюрами и мешочками, и смотрят на его реакцию. Если при виде стеллажей с деньгами глазки загорелись – «Прости, дорогой, нужно подыскать тебе более подходящую работу». Было бы занятно использовать подобную практику, предоставляя будущему руководителю место в психиатрическом стационаре. Извините, забыл уточнить – конечно же, место санитаря или медицинского брата. Мне кажется, что человек, стремящийся к власти над людьми, смог бы там раскрыться и понять себя за несколько месяцев.

Вова, мой первый напарник, был санитаром уже с опытом и с репутацией. К тому времени, когда судьба занесла меня к нему в ученики, он отработал в больнице уже почти полгода. С больными он ладил, отсортировав их по лояльности и опасности. Инструктаж

он проводил прямо на рабочем месте – на крохотном пятачке в несколько квадратных метров, который назывался санитарским постом. Большеголовый, коренастый и стриженный, Вова вытянулся на стуле в полулежащем состоянии и рассказывал сквозь зажатую в зубах спичку.

– Вон видишь того пацана? – указал он на худенького подростка. – Вот его можно к любому делу подтягивать. Обед заносить, лекарства, что-то куда-то двинуть. Он, в общем-то, нормальный, не злобный. Бежать ему некуда, его сюда батя пристроил – отдохнуть от него. А вон того видишь? Красавец у стены на корточках. Его вообще лучше не трогать. Он здесь от тюрьмы косит. При свидетелях избил до полусмерти соседа, а потом заставил его высунуть язык и ногой по челюсти ударил. Теперь здесь. Дурака включает регулярно, очень опасный. Кто его знает, когда он следующую сцену устроит? Планку с ним перегибать не надо, мало ли чего. – Вова перекинул спичку на другую сторону рта и сцепил руки за затылком, медленно водя ими взад и вперед по русому ежику волос, – Я теперь даже в автобусе спиной к людям не поворачиваюсь, – хохотнул он, приподнимаясь на стуле и вглядываясь в дальний конец больничного коридора.

– Слушай, я и не знал, что в нашем городке столько дураков, – удивился я, расположившись на втором стуле и закатывая рукава своего халата на санитарский манер, до локтей.

– Э-э, стоп, стоп, стоп, – прервал меня наставник, – Ты их так не зови. Дураков здесь почти нет. Дураки все в «дурке», за городом. Здесь психи или наркоманы на реабилитации. А они совсем даже не дураки. Подожди, тебе ещё тут проверку устроят. Ты главное ко всему серьезно так не относись. А то быстро рядом с ними окажешься.

– Проверку? – спросил я и завозился на стуле.

– Не напрягайся, – отмахнулся Владимир, – Ты лучше кайф поймай. Ты в планетарии был когда-нибудь?

– Нет, ни разу.

– Я тоже. Но не важно, это я для примера. Тут каждый – как

отдельная планета, вообще свой мир. Представь, что это по коридору на нас летят чужие планеты. Вот сейчас какая-нибудь подлетит, и ты уже вообще не здесь. Если попробуешь вести себя так, как на Земле, тебя туземцы сожрут. Приходится приспособливаться. Вот смотри, – Володя выждал, пропуская несколько человек, и окликнул молодого мужчину атлетической внешности, одетого в приличный спортивный костюм. – Дмитрий, я рад Вас снова видеть.

– Привет, Володя, – спокойно ответил тот, останавливаясь у поста.

– Когда назад планируешь?

– Куда именно?

– Ну, к своим, под воду, – с видом заговорщика прошептал мой наставник.

– А-а, – задумчиво ответил Дмитрий, развернулся и пошёл назад.

– На поправку пошёл, – ни капли не смутившись, пояснил мне Вова, отпуская человека за пределы зоны слышимости. – Ничего, сейчас другое космическое тело прилетит.

– Слушай, Володь, а что за проверка будет?

– Какая проверка?

– Ну, ты говорил, что меня будут проверять больные.

– А кто их знает? У них и фантазии побольше нашей, и времени навалом, – бросил Володя и потянулся за пачкой сигарет на тумбочке, – Выяснят, на что ты способен. У них тоже свой рейтинг – кого слушаться, а кого и послать можно. У нас самый крутой авторитет среди санитаров – Тапыч. Тебе бы с ним подежурить до проверки.

Говоря это, Володя вышел в предбанник, отпер входную дверь и слегка приоткрыл её, выпуская в образовавшуюся щель дым от сигареты.

– Он тут уже полжизни отработал. За малейший косяк «грудь выносит». Они его боятся. С ним дежурить – вообще одно удовольствие, – мой наставник замахал руками, стараясь выдворить

табачный дым, который настойчиво возвращался обратно. Не справившись, парень произнёс несколько матерных заклинаний, а когда и они не помогли, вышел на улицу, заперев за собой дверь на замок. Поток знаний на какое-то время прервался.

Место для санитарского поста было выбрано бойкое. Это был перекресток, в одну сторону от которого располагалась входная дверь с предбанником, в другую – коридор палатного отделения, в третью – лестница на второй этаж. Четвертая сторона перекрестка ограничивалась окном с видом на крохотный дворик с деревом и бетонную стену. Лестница на второй этаж была предметом жадных взоров больных первого этажа. «Stairway to heaven» – дорога к еде и к свободе. Первое – потому что на втором этаже была столовая, второе – потому что там была приемная врачей. А врач для больного в этой больнице сродни полубогу.

Пока Володя курил, ко мне стали присматриваться. Больные, курсирующие по коридору, заметили отсутствие старшего. Начали притормаживать у перегородки, отделяющей их территорию от нашего поста. Потекли беспокойные и тревожные минуты моего первого знакомства с клиентами этой больницы. Я искал безумство в каждом произнесённом слове – простые вопросы людей загоняли меня в тупик. Пациенты подходили познакомиться часто и не по одному. Пять минут перекура Владимира показались мне вечностью. Когда дверь открылась, впуская моего наставника обратно, я облегчённо вздохнул. Движение больных по коридору снова стабилизировалась.

Описывать в деталях весь 12-ти часовой инструктаж было бы скучно, поэтому постараюсь изложить главное. Миссия у санитаря в этом заведении была незамысловатая – не допускать беспорядков и побегов. Задачи тоже стояли вразумительные: больных не пускать вообще никуда, посетителей – дальше коридора, буйных и несогласных – умирять. Неурочным посетителям и просителям был посвящён отдельный раздел. Их требовалось деликатно прогонять, передачи в неправильное время не брать. Ключи от входной двери – это ещё одна отдельная тема и атрибут власти

санитара, позволяющий «пускать» или «не пускать». Ценность ключей была настолько велика, что первое, о чём я должен был думать во время боевых действий – это успеть передать ключи медсестрам. Одного побега клиента обычно хватало на то, чтобы лишиться премии всю смену, а это ровно половина зарплаты. Так что, ключ – это ценность.

Благодаря гибкому графику за неделю стажировки я перезнакомился почти со всеми своими коллегами. Кто-то из них пытался меня выучить, другие, более мудрые, просто наблюдали, подбрасывая время от времени ребусы и реплики. Опыт, приобретенный за эту неделю, был колоссальный. Я узнал о методиках управления людьми больше, чем на качественном профессиональном тренинге. Методики были настолько разными и по инструментарию, и по эффективности, что я хочу посвятить им отдельную главу. Они того стоят.

ДУРНЫЕ МЕТОДИКИ

СТИХ ВТОРОЙ.



Снова хлыст по жизни гонит,
И спина рябит засечкой,
Если сам, как жить, не понял,
То по жизни – под уздечкой.
И не стоит грызть удило
И лягать того, кто правит,
Если сам идти не в силах,
Если сам не создал правил.
Можешь жить мечтой щемящей,
Что наездник тебя любит
И, загнав в овраг бурьяжный,
Не захлещет, не погубит.
Можешь, рта не открывая,
Даже дать ему оценку.
Можешь, сено отвергая,
Разыграть на людях сценку.
Но неважен стиль и метод,
Тип хлыста и форма шпоры,
Если страх душонку треплет,
И идёшь на прорезь шоры.

- МЕТОДИКА №1 -

Первую методику я назову: «От Тапыча».

Первая она во всех смыслах. Перечисляю: первая – потому что Тапыч старейший работник этого заведения; первая – потому что это первое, что тебе попытаются рассказать все остальные, включая больных; первая – потому что по эффективности она далеко опережает все альтернативные методики и так далее, и так далее.

Методика, на первый взгляд, была необычайно проста. Её концепция выглядела следующим образом: «Можно почти всё, но

только если это позволит Тапыч. Всё, что не разрешено, влечет за собой неминуемое наказание».

За этой кажущейся простотой скрывался мощный пласт наработанного опыта и житейской мудрости основателя методики. Мудрость, помноженная на недюжую силу, солидную внешность и обманчивую простоту, эффект давала поразительный. Пожалуй, это был единственный мой коллега, приход которого на смену был похож на средневековую процедуру коронации в каком-нибудь маленьком королевстве. Вся деятельная и активная публика, состоящая из наших подопечных и санитарок, обязательно являлась засвидетельствовать ему своё почтение. Некоторые из них даже награждались благожелательным ответом. Нерадивые, надумавшие улизнуть от этой процедуры, рано или поздно попадали в поле зрения короля и могли быть призваны к трону в той или иной манере. Форма призыва редко несла в себе элементы, поднимающие дух, но я не видел тех, кто показал бы своё недовольство. Звучало это всегда громоподобно, на всю больницу, чтобы все знали, что вынужденная лояльность всегда хуже, чем добровольная. Происходило это примерно так:

– О-о, вы посмотрите, что у нас случилось, Андрюша у нас проснулся, – гремело по больнице.

Андрюша на этих словах замирал в той позе, в которой был застигнут. Спустя несколько секунд он решался двинуться, но делал это медленно, как корабль, получивший удар торпедой. Было видно, что куда бы ни был направлен его взгляд, он сам настороженно ждёт продолжения.

– Иди, иди сюда, мой хороший.

На этой величественной и снисходительной фразе существо, вызываемое к королю, выбрасывало на лице белый флаг неизбежной радости. В большинстве случаев его вид говорил: «Михал Потапыч, дорогой вы мой. Как же это я? Вас-то да и не заметил?». Однако звуками всё это редко сопровождалось, потому что каждый зритель знал, что речь Тапыча ещё только началась, и неизвестно, в какую сторону она может увести. Пожалуй, дальнейший диалог

я не возьмусь воспроизводить. Слишком много рисков что-нибудь нарушить: врачебную тайну, законы элементарного приличия, добрые отношения с уважаемым коллегой. Одно могу сказать, речь дяди Миши никогда не бывала неинтересной и неуместной. И очень редко повторялась. Здоровенный мужик и тонкий психолог, он всегда знал, что, когда, и кому можно и нужно сказать. Вот эта-то фишечка и делала его методику неповторимой и уникальной. Остальное поддавалось копированию, что и демонстрировали менее одарённые коллеги. Ну, может быть, за исключением «выноса груди» в исполнении Михаила Потаповича. Впрочем, сам я этого ни разу не видел, думаю – наговаривают. Как это ни парадоксально, но я почти уверен, что в основе успеха методики дяди Миши лежит его добрая расположенность к людям и тяга к общению. Немного своеобразная, безальтернативная и неизбежная, но всё же добрая.

Скрипя сердцем я отброшу свои домыслы и, опираясь на внешние проявления, присвою этой методике название «Авторитарная». Уж очень слово красивое. Да и есть что-то трогающее за душу в её необъяснимой эффективности.

- МЕТОДИКА №2 -

Что ж, пойдём дальше.

Едва ли я смогу выделить из остальных методик управления ту, которая достойно заняла бы второе место. Все остальные выглядят очень блекло на фоне методики «Тапыча». Они толпятся где-то в третьем ряду, робко толкаясь в борьбе за аутсайдерское лидерство. Исключительно из уважения к возрасту и стажу моего следующего коллеги в качестве второй методики управления я назову методику дяди Андрея. Санитара, который и в миру, и на работе, гордо носил кличку Хлыст. Перебрав в голове все цензурные варианты названия данного подхода, я выбрал тот, которым могу с вами поделиться. Методика получила имя: «Побарабанная». Её концепция была ещё менее замысловатой, чем «Тапычевой»,

и звучала она так: «Вы не трогаете меня – я не трогаю вас». В отличие от первой методики, «Побарабанная» распространялась не только на пациентов, но и относилась к медицинскому персоналу, а может быть, даже простиралась шире. В более подробной расшифровке звучала она следующим образом: «Моё присутствие здесь случайно и временно. Я вас не трогаю, вы не трогаете меня, и меня не трогают из-за вас. Если меня тронут, пеняйте на себя».

Хлыст являлся на смену, как звезда из длительного и скучного турне. Длинный, костлявый и сутулый старик средних лет, он входил в заведение с лёгким отклонением от графика, осознавая своё величие и относительность времени. Он смиренно принимал связку ключей от бьющегося в негодовании сменщика. Он брал на себя бремя неизбежного предстоящего. Каждый, кто являлся поприветствовать зашедшего на смену Хлыста, по какой-то нелепой случайности спутав его тщедушную фигуру с кем-то другим, бывал встречен и провожён скупающим и недоуменным взглядом блеклых и мутных глаз.

Любители научной фантастики наверняка помнят чудодейственный эффект защитных полей, которыми космические корабли окружали себя во время опасностей и вражеских атак. Они (то есть Любители фантастики) удивлялись этому чуду только в первом прочтении, а потом, на протяжении всей своей жизни, необычайный эффект этих полей воспринимался как что-то само собою разумеющееся. Так вот, дорогие мои Любители фантастики, подобные поля существуют. И это действительно чудо, и я, в отличие от вас, не уставал удивляться этому явлению каждый раз, когда сталкивался с ним. Хлыст был носителем этого чуда. В смену этого человека санитарский пост становился неуязвимым для воздействия внешнего мира, а может быть, даже и невидимым. В его дежурство всё как-то само собою самонастраивалось и самоурегулировывалось. Вопросов в сторону санитарского поста становилось предельно мало. Все вокруг знали, что с вероятностью в 90% они будут посланы или проигнорированы. Это знали медсестры, это знали больные, это знали авторитетные посетители,

это учитывали даже врачи. И что самое удивительное, в том хаосе, который приносила в больницу «Побарабанная» методика, почти никогда ничего не происходило серьезного. Во всяком случае, не происходило событий, приводящих к тем или иным неприятностям для Хлыста. В моей голове находится только два возможных объяснения этому чуду: первое – никому неизвестные волшебные флюиды, исходящие от Хлыста вместе с табачным запахом; второе – его змеиный характер: необычайная вспыльчивость и холодная жестокость. Первое – оригинальнее, второе – очевиднее. Наверное, санитарский пост в его дежурство воспринимался как серпентарий – место, которое лучше обходить стороной. И, упаси Господи, если оттуда выползет кто-то полусонный, в белом халате.

Но я буду не справедлив, если не скажу, что была в этой удивительной методике и какая-то несовместимая с данным заведением Свобода. Заядлый курильщик, Хлыст выходил за дверь очень часто, и очень часто дверь в больницу просто не закрывал. Исключительно из лени, чтобы лишний раз не напрягаться попаданием ключа в замочную скважину. Что было ещё более странным, так это то, с каким пониманием он встречал просьбы особо дерзких пациентов покурить рядом с ним на улице. Этим наглецам не только позволялось курить, им позволялось отходить от Хлыста и выходить за калитку. И при всем этом я не помню ни единого случая, чтобы больной хоть раз попытался воспользоваться шансом и бежать в смену Хлыста. Не находилось таких дураков в этом заведении. Всё-таки люди, размышляя над выбором «Свобода или жизнь», не всегда отдают предпочтение свободе.

Думаю, что этот стиль правления можно привязать к понятию «Анархия». Что же, пускай у него будет два имени.

Сдаётся мне, что при всей жестокости носителя анархической истины, больные любили жить в его смену. Его величественная отстраненность от них и от больничного распорядка давала им необычайную свободу. Передачи приносились и передавались в любое время при условии, что сам процесс передачи не задевал санитаров. Тихий час и отбой теряли жёсткость временных

рамок и свою обязательность. Спать или гулять – всегда было собственным решением пациента. Пациентов сдерживало только понимание того, что как бы ни было спокойно на санитарском посту, но с приходом тихого часа или темноты наступало время хищников. Передвигаться никто не запрещал, но иногда это было крайне опасно. И на всякий случай лучше было бы затаиться. Даже медсестры, всегда инициативные и величественные, колготились в своей комнатенке, не тревожа больницу собственным присутствием, а санитаров – своими претензиями. Уж очень жесток был Хлыст как в словах, так и в поступках. А сострадательность и доброта к людям, даже в подобных мрачных заведениях, остаются главными чертами женского характера, что бы там ни говорили злословы.

А, может быть, действительно: «Анархия – мать порядка»?

- МЕТОДИКА №3 -

Диктатура. Какое упоительное слово. Можно я ещё раз его произнесу? Диктатура. Как же оно ласкает слух, когда ты произносишь его с вершины иерархической структуры. Как много в нем безграничных возможностей и эффективных рычагов по обламыванию и перемалыванию личности, казалось бы.

Позвольте вас разочаровать. Мой скромный опыт полевого медика и начинающего диктатора даёт мне право утверждать, что качественная Диктатура по силам правителям молодым, злым и необычайно энергичным. Ну, или хотя бы просто злым и энергичным. Лично мне показалось, что это очень трудозатратная форма власти. Она заставляет Диктатора постоянно тащить на себе нелёгкое бремя его диктаторских обязанностей. Приходя на работу, ты вынужден давить и подчинять. А вдруг у тебя настроение лирическое и доброе? Никаких поблажек себе. Стоит один только раз поленился, чуть-чуть недодиктатурить, и смотришь, а репутация уже просела. И снова приходится засучать рукава белого халата,

расчехлять глотку и работать, работать. Без поддержки, без участия, без благодарности.

Но самое обидное заключается в том, что данная форма правления вызывает неизбежное привыкание у твоих подопечных – диктатурируемых. Она формирует в них иммунитет к твоей власти. Если вы ещё ни разу не выступали в роли Диктатора, вы никогда не поймете, как это некомфортно, когда к старым методам давления и порабощения твой клиент уже притерпелся, а изобрести что-то новенькое никак не получается. К тому же очень сложно из людей с легкими психическими отклонениями сделать адекватных, виноватых и запуганных. Да и, что греха таить, «дурное воспитание» тоже даёт себя знать – жалко и совестно. Тяжело быть Диктатором в психиатрической больнице, и чем дальше твоё психическое здоровье от состояния подопечных, тем тяжелее.

Даже не знаю, кого именно можно предложить вам, как наиболее яркий пример этой формы власти. Дело в том, что на этот путь вставали практически все молодые санитары. Вставали неразумно, по глупости, «нахватавшись шапок» из методик Хлыста и Дяди Миши. Действительно, так просто, не разобравшись в тонкостях, спутать Авторитаризм с Диктатурой. А углядеть Диктатуру в лихих крайностях Анархии разве тяжело? Надо сказать, что опытные пациенты знали эту особенность адаптационного периода молодых санитаров. Они относились к ней с поразительным терпением и снисходительностью. Годы, проведенные в психиатрических застенках, уже привели их к тем же выводам – ноша Диктатора тяжела, а терпение его не бесконечно. Пациенты терпеливо ждали, когда начинающему Диктатору всё это надоест и вот тогда, он, возможно, блеснет индивидуальностью и создаст что-то уникальное. Внесет свою лепту в теорию управления и порабощения.

Но я снова заболтался. Сортировать так сортировать. Я нашёл человека, которого рискну представить вам в качестве Эталона. В нём действительно сочетались колоссальная энергия, молодость и злобный вид. Встречаем – Юрий. Молодой здоровенный красавец,

слегка уступающий школьнику средних классов в умственном развитии. Кучерявый громкоголосый блондин в чёрной майке под белым халатом. По противоречивости чувств, которые рождались в каждом, кто с ним столкнулся, эта персона была уникальной. Первый взгляд на него вызывал восторг; первые минуты его трибунных речей вызывали восхищение; но потом шла очень скоротечная череда оценок его поступков с неизбежно деградирующей тенденцией.

Этот мерзавец позволил себе внедрить в местные правила систему взяток и поборов. Он без малейшего стеснения принимал от больных конфетки и шоколадки, которые в те смутные времена были дорогим лакомством. Юра окружил себя приближенными, льстецами и просто хитрецами из числа больных.

Работа с ним в одной смене заканчивалась головной болью. В эти часы в больнице царил невообразимый хаос. Приближённые мздоимца во всех своих шалостях были не наказуемы, в лучшем случае они ограничивались дружеским журением Диктатора. Другие больные пытались вести себя соответственно, но, не имея вхожести в нужные круги, бывали обруганы и унижены. В этой атмосфере, где «всё нельзя, но есть исключения», громоподобный голос утихал только для того, чтобы отдохнуть или покушать. Остальной медперсонал вел себя соответственно: кто-то старался укрыться, чтобы всего этого не видеть; кто-то пытался через Диктатора отыграться на нелюбимчиках. Одним словом, всё как в большом мире.

Я не хотел бы вместе с этим человеком погружать вас в глубины его персональной грязи, поэтому прошу просто поверить мне и сделать выводы. По ним получается обычный набор: коррупция, стукачество, двойные стандарты и массовые беспорядки. Не лучшая форма правления, но ничего не поделаешь – нет в подобных заведениях демократии. Виват, Юра!

Вот, пожалуй, и пришла очередь для описания последней из методик, заслуживающих внимания. Последней не потому, что других не бывает. Последней – потому что все остальные методики, с которыми я столкнулся в больнице, так или иначе являлись производными от этих четырёх.

Итак, номер четыре: «Правильная».

Думаю, что основоположник этой методики был просто слишком безразличен к себе или лишён фантазии. Звали этого человека Валентин Валентинович. У клиентов он пользовался скучным и невыразительным уважением. Должен признать, что Валентин Валентинович был во всех отношениях порядочным и правильным человеком. Возможно, именно поэтому, я совершенно не помню, ни как он выглядел, ни что он делал. Да что уж, я и имени-то его не помню. Имя Валентин Валентинович – выдумка, надо же его как-то называть, если до присвоения клички он не дослужился.

Из событий и впечатлений дюжины совместных смен запомнилось только две вещи: первая – рекомендация, которую ему дал пациент перед нашей встречей: «Очень требовательный и справедливый человек» и вторая – мощный храп моего напарника. Вот и все воспоминания о нём. Хороший человек, но ничегошеньки от него в моей голове не осталось. Благодаря ему каждый раз, когда у меня возникает желание продолжить жить правильно, в душе зарождается непонятная тревога. Может быть, это страх, что моё имя и лицо забудутся и их не вспомнят даже те, с кем я делил время и стол? Если у них вообще найдется повод обо мне вспоминать. Но то про персоны и про след в истории. А как же методика? Как на больнице отразился стиль управления человека «без лица»? Что случается, если отстраниться от психоза собственной значимости и жить, следуя установленным правилам?

А получается очень интересно, между прочим. Всякий раз, попадая в одну смену с Валентином Валентиновичем, я словно бы проваливался в другое измерение, в другое заведение. Я

оказывался в обычной больнице, где пациенты были предсказуемыми и действительно больными людьми, которым требуется помощь. Всё происходило вовремя, спокойно и так, как и должно происходить: больные – лечились, буйные – умирялись, работники – работали. И всё это без крика и унижения, доброжелательно. Оказывается, не обязательно постоянно указывать людям на то, что делать и как делать, если эти люди начинают жить по правилам, которые они знают и понимают. И уж совершенно нелепым в такой атмосфере покажется крик на людей. Больных людей.

Удивительно, не правда ли? А вот лица не помню.

Артём плохо сочетался с местной обстановкой: его яркие и тонкие аристократические черты резали глаз на фоне облезлых стен. С первых же дней госпитализации он создал между собой и остальным больничным миром приличных размеров дистанцию, а желающие её преодолеть наталкивались на прямой взгляд тёмных глаз и приподнятую в изломе тонкую бровь. Не способствовал сближению и дорогой спотривный костюм, который в те времена считался роскошью, но при данных обстоятельствах был унижен до роли пижамы. Отстранившись от соседей по палате, Артём даже подушку на своей кровати положил так, чтобы смотреть не в сторону двери – как все остальные, а в сторону окна.

Пока наш герой витал в своих мыслях, его соседи обсуждали подготовку какой-то шутки с новым санитаром. Они неприятно и едко смеялись, вгоняя друг друга в азарт предстоящей авантюры. Шутки были заезженными и глупыми, но разве им запретишь?

– Да вы угомонитесь или нет? – окрикнул их сосед Артёма по кровати, Фёдор Иванович, – Оставьте вы пацана в покое. Сами же раздражите, а потом ныть будете, что он на вас срывается.

– А что он нам сделает? Ты его видел, Федя? Студент. Его сразу надо на место поставить, – выделился из заговорщиков Женя, оклемавшийся наркоман и инициатор затеи, человек молодой, тощий, наглый и вёрткий. Он называл всех по короткому имени, невзирая на возраст и пол.

– Ну ставь, ставь. А я понаблюдаю, – проворчал Фёдор Иванович, – Пацан здесь тоже не от хорошей жизни – родителям помочь, денег подзаработать. А вы тут спектакль устраиваете.

– Мы ему не будем мешать. Пускай работает. Только пусть сразу поймет, что его территория за стойкой заканчивается. Тебе же жить легче будет, если он мир как надо увидит.

– Ты его правильно увидел, мир-то? В себе бы сначала разобрались, а потом к другим лезли, – буркнул Иваныч, отворачиваясь на другой бок и упрессовывая узловатым и тяжёлым кулаком подушку.

Фёдор Иванович был одним из тех, с кем Артём нет-нет, а общался. Тот сюда попал с перепоя, а сейчас отошёл и был совершенно нормальным дядькой с пышной седой шевелюрой, могучей шеей и высушенным до жил телом. Невзирая на квадратную челюсть и постоянную небритостью, Иванович был человеком миролюбивым и даже тихо молился на ночь.

«А ведь новенький сегодня один работает», – подумалось Артёму. Он уже наблюдал подобную проверку. В тот раз она растянулась почти на месяц, ни к чему хорошему не привела и не изменила ничего в больничных порядках. Лично Артёму она принесла только неприятности, за компанию с остальными.

Наш герой был первичным, то есть первый раз лежал в стационаре. Он был параноидальным шизофреником. Это значилось в его диагнозе и отчасти было правдой. Имелись, конечно, некоторые расхождения в том, как этот диагноз воспринимался им и остальными людьми. Расхождения далеко не «некоторые», а диаметрально противоположные.

Должен сказать, что терпения нашему герою было не занимать. Пройдя через казённые кабинеты, Артём сумел сохранить себя и как смог поддержал родителей, однако понял, что дальше смотреть на этот мир они будут по-разному. Он уже давно пришёл к заключению, что видеть «как оно действительно есть» доступно только ему, а всем остальным достаются титры, эпизоды и его редкие откровения. Формальный диагноз ничего не изменил, он не считал своё состояние болезнью. До последнего времени молодой человек относился к своему заболеванию как к дару, но под действием лекарств всё поменялось, и сейчас он был напуган.

В сценарий соседей по палате дописывались последние штрихи. Один из провокаторов уже создавал образ и готовился к розыгрышу. Артём поднялся с кровати. Его порывистое движение сбilo суету в противоположном углу палаты, и на какое-то время воцарилась тишина. Он не посмотрел в сторону заговорщиков, натянул олимпийку, надвинул шлепанцы и вышел в коридор.

– Непонятный какой-то, – сказал Женёк после того, как дверь за Артёмом закрылась, – Я бы с его внешностью уже всю больницу перелюбил, включая медсестёр, а этот из палаты не выходит.

– А ты слышал, что про него говорят? – спросил Фарид.

– Ты уже рассказывал, – ответил Женёк, всё ещё глядя на дверь. – И маечка-то у него «Дээндгэ», только не понятно – это демонстрация папиного кошелька или принадлежность к ордену?

– Какой у него может быть орден, он вроде не служил ещё? – удивился Фарид.

– Не бери в голову, – усмехнулся Женёк, – это я сам с собой.

– Ну и ладно, – переключился Фарид. – Что, я пошёл тогда?

Людей в коридоре было немного: несколько женщин прогуливали друг друга; пара тяжёлых больных в глухом конце коридора, уставившись себе под ноги, маршировала на месте; девичья фигурка в безразмерном казённом халате без рукавов, стояла на цыпочках у перегородки санитарского поста, проводя, по всей видимости, свою проверку новому работнику.

– Можно я у входа подышу? – спросил Артём, подойдя к посту.

Новенький санитар повернул в его сторону голову, оставаясь глазами в разговоре с девушкой. С некоторым запозданием его взгляд догнал движение головы и остановился на лице парня. Бессмысленное выражение глаз санитаря говорило о том, что сознание движется третьим эшелонем. Потребовалось несколько секунд для того, чтобы человек в белом халате обрёл возможность говорить разумно.

– А тебя как зовут? – санитар старательно и неумело тыкал, перенимая больничные правила этикета. По этим правилам обращение к больным на «вы» расценивалось как слабость. Артём проглотил хамоватый заход, он усвоил законы больницы уже давно.

– Артём, – ответил он на вопрос, не продолжая процедуры знакомства. «Ох и тяжело тебе здесь будет», – подумал он про себя.

Внешность новенького была неубедительной. Хотя по возрасту они были почти ровесниками, санитар выглядел образцовым студентом – худощавый, вежливый, с аккуратной стрижечкой на пробор. Потом взгляд Артёма зацепился за упругую сутулость, шрам на надбровье и скользнул по разбитым костяшкам пальцев, эти детали обещали сюрприз к предстоящему заговору его соседей.

– Иди. Только у окошка, – позволил Студент, – К телефону не подходи и не кури, сюда тянет.

Артём вышел. В предбаннике было сумеречно и непривычно пусто. Для больных это был заветный уголок, доступный главным образом во время посещения родных. Молодой человек отодвинул щеколду окошка для передачек и толкнул дверку наружу. Стоять было неудобно, и он некоторое время подстраивал своё тело, располагаясь в полусогнутой позе. Он слышал, как следом за ним к посту подошёл Фарид, слышал начало спектакля. Фарид был достаточно интересным персонажем. Ему было давно за сорок, но вёл он себя, как испорченный подросток. Не к имени белые и тонкие волосы служили его главным украшением, но в растрёпанном виде делали его блеклое лицо глупым. Артём уже успел узнать его как человека циничного и лицемерного. Он очень хорошо помнил, что происходило в прошлый раз. Надо было признать, что Фарид тогда играл виртуозно, его даже не наказали за произошедшее.

Для нормального человека общение с идиотом – вообще задача не простая. В большинстве из нас слишком много морали и социальных схем, не позволяющих сбежать от дурака сразу. По этим схемам нормальному человеку приходится вежливо отвечать, поддерживать беседу, реагировать на ожидающий ответа взгляд. Это работает до тех пор, пока собеседник не ошарашит нас какой-нибудь убийственной дурнинушкой. Старожилы клиники утверждают, что после получаса подобного диалога с перепадами мозг воспитанного человека встаёт на паузу. В данном случае воспитание было правильным, а значит, санитар был обречён. Артём понимал, что происходящее на посту только подготовка к основным событиям. Зачистка мозга перед главной атакой. Медсёстры

обычно не вмешивались, результаты эксперимента были интересны даже им. Должны же они понимать, чего ждать от нового человека?

Артём высунул голову в проём окошка, пытаясь уйти от шума, доносящегося с поста. Происходящее там напрягало, а напрягаться не хотелось. Талой землёй пахла весна, сходили с ума птицы. Да и было над чем подумать. Очень важная для Артёма часть жизни куда-то пропала. Парень впал в некое подобие анабиоза, переживая реальность как дурной сон. Он коротал дни с единственной мечтой – дожить до ночи и уйти в сны, но снов не было. Это могло быть результатом действия лекарств или признаком его выздоровления. Время от времени его посещала предательская мысль: «А может, я и вправду – псих?» Если это было правдой, то ему надо было очнуться и перестать воспринимать себя как человека уникального. В этом случае полагалось встать в ряды рядовых шизофреников и начать лечиться. Он вынул голову из окошка и оглянулся на пост. Спектакль, идущий там, был в самом разгаре. Новенький продолжал слушать Фариду, но на его лице уже проявилась растерянная улыбка, да и ответы стали запаздывать. Всё говорило о том, что шансы на дополнительное лечение у всей их палаты увеличиваются с каждой минутой. Артём сделал последнюю затяжку свежим воздухом и вышел к посту.

– Ну пожалуйста, ну не забирай моего котёнка, – ныл Фарид, указывая пальцем в пустой угол на потолке и обращаясь к санитару. По его лицу текла вполне реальная слеза, рука в воздухе тряслась и делала хватательные движения.

Артём подошёл к Фариду и взял его под локоть: – Пойдем, Фарид. У нас в палате уже есть два котёнка из прошлой смены.

Почувствовав сопротивление, Артём сдавил руку. Фарид дёрнулся, как от удара током, и подчинился. Отойдя от поста несколько шагов, наш герой разжал кисть и по-дружески положил её на плечо придурковатого артиста.

– Ты что делаешь? – зло прошипел Фарид, когда они отошли на десяток шагов.

– А хочешь я тебе палец сломаю? – предложил Артём.

– Ну попробуй, – огрызнулся больной, но в его голосе уже не было дерзости.

– Обязательно попробую. Трёх дней не прошло, как меня из-за тебя вязали, а ты опять концерт устраиваешь? И знаешь что, Фарид, вот я тебе сломаю палец, и ничего мне не будет. А тебе так нельзя, потому что диагноз не тот.

– Зря ты так, Артём, нам ещё долго под одной крышей жить.

– Вот и я о том же. Друзей твоих того и гляди выпишут, а я никуда не спешу. Да и тебя, кажется, жена дома не очень-то ждёт.

Это был удар ниже пояса. Артём знал про семейные неурядицы своего спутника. Он снял руку с плеча Фарида и дружески похлопал его, то ли смягчая, то ли усиливая сказанное, – Не ходи больше к посту.

– Сдалась мне эта стерва, – огрызнулся Фарид в сторону неверной жены. – Здесь такую девочку привезли, огонь.

– Хорошая? – неожиданно заинтересовался Артём. – Ты с ней уже поладил?

– Нет ещё. На первый взгляд такая вся плавная, правильная, а потом как выдала. Ба, смотрю, да она вообще без комплексов. А на тело – конфетка. Беленькая, в росте, и там, и тут всё нормально, – Фарид жестами показал те места, которое его так сильно очаровали в девушке.

– Не видел я здесь такой, приснилась она тебе.

– Ты не увидел? Как же её можно было не увидеть? У неё не то халат, не то платье длинное. Не то красное, не то синее – сразу в глаза бросается, – удивился Фарид. – Такая домашняя она вся. Классная девочка.

– Нет, не видел.

– Странно, ты же каждую новенькую выходишь посмотреть? Правда, странно, она такие концерты между уколами давала – заслушаешься. А ведь не видно её уже который день, – неожиданно резко обеспокоился Фарид, – Может, увезли уже?

– Ты иди, отдохни после представления, а я её здесь покараулю. Увижу – позову.

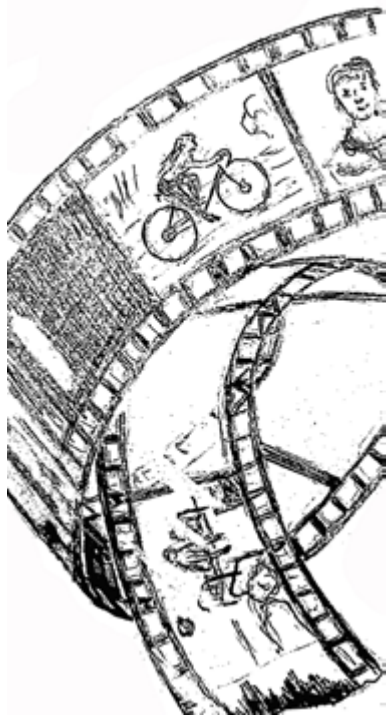
– Ты только всерьёз на неё не настраивайся, я прямо чувствую, что у меня любовь к ней.

– А ты пока не чувствуй. Вот сам увижу, а потом, может, и разрешу.

– Зря ты так, Артём. Молодой ты ещё, как бы не ошибся.

ЛЕНА

СТИХ ЧЕТВЁРТЫЙ.



Ты хочешь узнать,
О чём думают люди?
Они не плохие,
Но думают плохо.
Давай жить иначе.
Судить их не будем,
Бери свои вещи
И Солнце в дорогу.
Ты ждёшь, как оценят?
И нравиться хочешь?
Забудь. Ты весь создан
И сшит из пороков.
Не строй себе сцены,
Плохое отточись.
Живи, а споткнулся,
Не сыпь в мир упрёков.
Бог любит в нас радость,
Так, может, с ней вместе
Людей попросаем -
Обида растает?
Возьмём с собой близких
Далёких от мести
И тех, кто в печали
Нас гнить не оставит.

Лена лежала в кровати и понимала, что она не помнит того, что происходило вчера, а может быть, и не только вчера. Потрескавшийся потолок, духота и бессмысленные перемещения нескольких полоумных обитательниц палаты не добавляли позитива в её мысли. По взгляду женщины, которая уже минут десять рассматривала её с соседней кровати, Лена могла догадаться, что ничего хорошего за прошедшее время с ней не произошло.

Возможно, к обычному стереотипу блондинки уже добавилась некоторая сомнительная репутация. Чёрные глазки соседки суетливо бегали и напрашивались на разговор. Соседка была похожа на мышку, укутанную по пояс в одеяло. «В такой-то духоте и в одеяле», – удивилась Лена и на всякий случай поздоровалась. Час спустя девушка поняла, что лучше бы она этого не делала. И вообще – лучше бы было оставаться в неведении. Мышку звали Маша. То, что поведала словоохотливая Маша, лишило Лену остатка сил. Девушка и верила ей, и не верила. С одной стороны, ну зачем взрослой женщине врать? А с другой – всё, что та рассказывала, было просто невыносимым. Это было несовместимо с тем человеком, каким была наша героиня.

Лена была не просто спокойной и застенчивой, она была хорошей. Знаете, как это бывает, когда знакомишься с человеком и, буквально перекинувшись с ним парой фраз, понимаешь, что человек – хороший? Хочется такому человеку довериться, что-то рассказать, поделиться, за руку поддержаться. А он слушает и улыбается вместе с тобой. Или грустит тоже вместе с тобой. И почти ничего не говорит. А если и поведает о себе, то очень мало и как-то ненавязчиво и мирно. Лена была именно таким человеком.

Сейчас же слушать истории о себе «вне себя» было невыносимо. Лене даже показалось, что Маша не очень добрый человек. Она с таким удовольствием излагала девушке все подробности её безумного поведения, так откровенно смаковала грязные и неприятные детали, что Леночка несколько раз просила отложить разговор на другое время. В этих паузах она ложилась лицом к стенке и беззвучно плакала. Другая соседка упрекала Машу за её болтовню, но та принаоровилась выискивать моменты, когда кроме них с Леной никого из здравомыслящих в палате не оставалось.

Маша рассказывала суицидные кошмары: Лена громко кричала и ругалась, выходила на пост к санитарам и в грубой форме предлагала им вступить с ней в связь. Лена ужасно боялась поинтересоваться, пользовались ли санитары её предложением, и чем всё это заканчивалось. К её радости, соседка не продолжала разговора

в эту сторону. Наверное, просто сама не знала. После всех этих откровений девушка два дня почти не выходила из палаты. Она перебивалась тем, что передавала ей мама, и тем, что ей приносила из столовой её вторая соседка.

Больница была настолько нелепая, что мужское отделение находилось вместе с женским. Мужские палаты были по одну сторону коридора, женские – по другую. В их шестиместной палате было пять человек. Две пожилые женщины казались совершенно не в себе. Они, как роботы, ходили по палате взад и вперёд, глядя в пол и тяжело передвигая опухшие ноги в шерстяных носках и тапочках. Третья, уже знакомая нам Маша, была очень суетная и шумная. Она с потрясающей бесцеремонностью распоряжалась всем и всеми. Кажется, она относилась к персоналу, нежели к больным. У неё был плотный график общественной деятельности, и санитарки часто привлекали её к работе. Маша была очень полезной по части доставки свежих новостей, но слишком разговорчивой. Четвертая, и последняя, соседка держалась особняком от других. Немногословная, крупная и неприступная на вид, она круглосуточно выглядела аккуратной и прямой. Звали её Тамарой. Сухие, узловатые руки с распухшими от работы суставами не соответствовали её осанке, строгому и ухоженному лицу и говорили о ней гораздо больше, чем она хотела бы сказать о себе.

В отличие от Маши, Тамара была редким вестником, но если уж приносила новости, то исключительно живые или хотя бы содержательные. Сегодня она принесла новость о том, что на посту был молодой и симпатичный санитар, который, кстати, ни одного дня не работал в те дни, когда привезли Леночку. Тамара называла Лену Леночкой. Ссылаясь на то, что смена сегодня хорошая, женщина пыталась уговорить Леночку прогуляться по коридору.

– Медсестры на всякое насмотрелись, они уже обо всем и забыли. А этот молодой мальчик и не видел тебя ни разу. Я думаю, что ему и без твоих бед сейчас забот хватает. Пойдём, в коридоре и воздух посвежее – из окошка тянет. Не можешь же ты всё время здесь просидеть, – обкладывала женщина Лену доводами.

– На меня там сейчас все смотреть будут, – прошептала Лена, опасаясь Машиных ушей.

– Кого ты стесняешься? Пациентов?

– И их тоже.

– Фу. Каждый из них здесь такой концерт давал, – Тамара уже искренне веселилась. – Леночка, здесь из скучных только я да врачи. Да и то, потому что их при такой-то работе ещё не время по палатам раскладывать, а мое прибытие сюда немного запоздало, – женщина бойко сверкала своими тёмными глазами в сторону девушки. – Пока мои решили меня из деревни к врачу свозить, я уже почти оклемалась. Тута только чуток подурила, пока в меня лекарств не навтыкали. Забудь ты про всё и не думай. Ну?

Лена молчала и улыбалась. Тамарин задор и уверенность действительно бодрили, и всё казалось не таким мрачным. Маша сидела на своей кровати и делала вид, что ей всё безразлично. Лена видела, что женщина на самом деле дуется и ревнует к неожиданно ожившей соседке.

– Хочешь, я по коридору в панталонах прогуляюсь? – Тамара бойко подбоченилась и подобрала край халата. Лена рассмеялась и замерла, ожидая продолжения. – Ага, сейчас. Шучу я. А если и выйду, кто мне тут чего скажет? Ну таблеток пропишут. Я и те-то в унитаз сплёвываю, подумаешь, одной больше там будет. Вот санитары, те могут и пошпынить и поразводить, они ребята с юмором. Да и то не все. Твой лучший концерт на смену Антона Антоновича пришелся, а он никому про это не расскажет. Уж поверь мне, – Тамара многозначительно расширила глаза и поджала губы.

В конце концов, женщина не выдержала и решительно встала. Она под локоть подняла Лену с кровати и легко подтолкнула её к выходу. Лена хотела оправиться, но та сама одёрнула ей халат и по-свойски шлёпнула девушку рукой под зад. Лена засмеялась и чуть прибавила шагу. Дойдя до двери, Леночка слишком быстро открыла дверь, опасаясь очередного шлепка женщины. Жесткий и тяжелый удар по двери со стороны коридора отбросил её обратно в палату. В растерянности девушка отошла в сторону и посмотрела

на свою спутницу. Тамара вышла вперёд, медленно приоткрыла дверь и выглянула в коридор. Она увидела спину санитаря, который за вывернутую руку вводил пациента в мужскую палату.

– Не вовремя мы с тобой на прогулку собрались, – сказала Тамара без сожаления. – Давай посидим немного. Там что-то происходит, нехай угомонятся, – она посмотрела на напуганное лицо девушки и улыбнулась. – А ты говоришь «стыдно». Стыдно, когда видно. Тут таких артистов, как мы с тобой, в каждой палате по пять человек. Я тебе как-нибудь расскажу, что тут наша Маша вытворяла, – она с ядовитым прищуром посмотрела на нахолившуюся соседку, а потом добавила громким шёпотом. – У неё тут такой роман начинался. О-о, да врачи всё испортили – в чувство привели.

Из коридора снова донёсся какой-то шум и крики, и прогулка отложилась на неопределённое время.

ЕГО ПЕРВЫЙ ПОЛЁТ

СТИХ ПЯТЫЙ.



А я улететь могу.
Ты хочешь меня заставить
Прожить эту ночь в плену,
Пьянящий восторг оставить?
Попробуй найти ту цепь,
Которая крылья вяжет.
Но лучше найди мне цель -
Что смысл наяву подскажет.
А нет, я во сны лечу,
В миры, что тебе не снятся.
И жить я лишь там хочу
И там же хочу остаться.
В ночи оставляя грехи,
Лечу в непорочные грёзы.
Парящим – дарю стихи,
Иным – перевод из прозы.

Артём был гордостью родителей. Он опережал своих сверстников в развитии, всегда следил за собой и беседу вёл так уверенно и неспешно, что даже взрослые люди не игнорировали и не перебивали, как это обычно происходит с другими детьми. Он рос в достатке и увлечениях, и всё шло своим чередом – на полках пополнялся ряд кубков, над ковром повисли первые медали, предвиделось блестящее будущее, и не было поводов для беспокойства.

Болезнь у мальчика впервые проявила себя, когда ему стукнуло тринадцать, в ночь после его дня рождения. Позднее врач очень подробно расспрашивал Артёма о том, что могло послужить причиной заболевания: что его могло так сильно взволновать, что происходило в тот день, с кем они отмечали праздник. Артём отвечал односложно: «Не помню». Он не пытался врать, он действительно не помнил того, что происходило много лет назад.

Сон, который приснился ему в ту ночь, Артём воспринял

как случайный и очень приятный подарок к празднику. Он летал в этом сне. Казалось бы – это так банально. Что в этом необычного, и какой смысл рассказывать вам про полёты во снах? Однако, следующим утром наш герой решил, что именно этот полёт был особенным и не мог оказаться обычным сном.

Спустя годы сон не растворился в памяти, а вот ощущения, которые его сопровождали, почти забылись. Остались легкость и осознанность происходящего. Вся обстановка сна до малейших деталей совпадала с реальностью, хотя и была несравнимо ярче и красочней. Пожалуй, даже немного мультяшной. Многоквартирные дома подсвечивались и переливались изнутри неоновым светом. Всё казалось полупрозрачным и живым. Дом, в котором жил Артём, мерцал, словно вылепленный из разноцветных леденцов. Мальчик скользил вдоль земли, укутанной в толстый слой пушистого снега, и вглядывался в поток бегущих под ним алмазных искорок, потом поднимался вверх, чтобы посмотреть на карамельный город, потом снова возвращался к снегу.

Другим мотивом сна была необычная тишина – живая и говорящая. Как в театре перед представлением: всё вокруг говорит и дышит, а тишина почти абсолютная. А главным событием этого сна была собака. Обыкновенная – чёрная, тощая и трясущаяся от холода на колодезном люке. Артём почти врезался в неё, но вовремя успел остановиться.

– Привет, Черныш, – крикнул он ей, затормозив очень близко от мокрого и сотрясающегося в ознобе собачьего носа.

– Привет, – собака смотрела на него грустно, очень по-собачьи. Она чуть двинула хвостом, кажется, просто из вежливости.

– А ты почему домой не идёшь? – спросил мальчик.

Собака с упрёком посмотрела на него, и по её телу пробежала крупная дрожь.

– Ты бездомная? – догадался Артём.

– Возьми меня к себе, – без переходов попросила Собака.

– Я сейчас не могу, – растерялся он.

– Почему?

– Я и сам-то не в себе. Я просто сплю, а ты мне снишься.

– Лучше бы я тебе весной приснилась. Сытая и белая.

– Ещё лучше летом, наверное. А почему белая?

– Белых все любят. Нет, летом не надо – слишком жарко.

Хотя, давай летом, если можешь.

– Я так сразу не могу. Я ещё сам тут не разобрался, – растерялся Артём. – Если ты настоящая, пойдём ко мне жить? Я утром проснусь и тебя покормлю.

– Я не против, – Собака вскочила на ноги и дала волю своему хвосту. – А ты поздно встаёшь?

– Я пораньше встану, – пообещал мальчик. – Пойдём, в подъезде до утра подождёшь. Там теплее.

Утром Артём вскочил с кровати ещё затемно, пытаясь вспомнить о каком-то срочном и важном деле. В голове всё перемешалось и перепуталось. Мальчик скинул одеяло и что-то глухо упало на пол. Артём пошарил по столу и, нащупав кнопку настольной лампы, включил свет. На полу, подмяв страницы, лежала подаренная другом книжка, на обложке которой красовался мальчик, стоящий на крохотной планете. Артём поднял книгу и положил на колени, его снова стало клонить ко сну. Голову тянуло к подушке, и книжка опять выскользнула из рук. Артём дёрнулся и резко вспомнил весь свой сон. Мальчишка вскочил, кое-как оделся и бросился на улицу к своему новому другу, которого во сне так и не смог провести в подъезд через закрытую дверь. Собаки нигде не было. Артём пробежался вокруг квартала, замёрз и расстроился. Он присвоил свою неудачу безвозвратно ушедшей сказке, созданной сном. От ночи остались только лёгкость в теле и непроходящее настроение полёта.

Он помнил, как очень спокойно принял второй сон, когда тот пришёл к нему в следующую ночь. Артём погрузился в его волшебство, как в должное. Мальчик опробовал свою летучесть прямо у себя в комнате, убеждаясь в том, что полет вполне устойчив и без размахивания руками. Он хорошо запомнил, как очень осмысленно удивился происходящему: вспомнил про силу тяжести, про

необходимость опираться на воздух. Зависнув рядом с люстрой, он даже предположил, что должен срочно упасть на пол и навсегда разучиться летать. Однако, законы физики не состоялись. Покружив по тесной комнате, он полетел на балкон, а с балкона – в ночной город на поиски Чёрной Собаки. Сейчас он помнил только то, что собаки он не нашёл.

Весь следующий день Артём уже ждал и подманивал очередной сон. Он начал ждать его с утра, на какое-то время забыл о нём за завтраком, потом торопил время в школе и даже пытался уснуть днём. Мальчик то гипнотизировал часы, то заваливал себя делами, чтобы ускорить время и быстрее прогнать бесконечный день, но ночь его разочаровала. Сон не пришёл. Следующие сутки тоже прошли в напрасных ожиданиях. Потом из жизни выпал ещё один день и ещё один.

Третий его полёт состоялся только через год, опять на день рождения. Поняв, что карамельный мир вернулся, наш герой сразу рванул в высоту. Взлетев в темноту ночного неба, он развернулся через спину и стремительно упал вниз, почти зацепив крышу дома. Потом повторил это снова и снова. В какой-то момент, разгрузившись от восторга, он взлетел и замер в вышине, разглядывая мир под собой. Карамельный город был покрыт белыми пятнами редких фонарей. Одиноким крестом светилась главная улица. По улице ползли пятна света от редких автомобилей. Мальчик поднялся ещё выше и, вообразив себя пикирующим бомбардировщиком, совершил затяжное падение в сторону чернеющего леса.

Город внизу давно утёк, а наш герой всё скользил в темной бесконечности, выбрав за ориентир светлое пространство впереди себя. Очень скоро оно развернулось в серую ленту реки, вдавленную между рваными краями поросших лесом берегов. Мальчик заложил небольшой поворот и заскользил над этой пятнистой серой лентой, снижаясь всё ниже и ниже. Река, покрытая льдом и пятнами снега, провоцировала на скорость. Артём разгонял себя всё быстрее, он летел прямо, летел зигзагами от берега до берега, он взлетал и падал, цепляя пяточки пушистого снега. За

очередным поворотом серый мрак смазанного мира раскололся, и Артём ворвался в бетонный полукруг освещённой набережной большого города.

Он сразу узнал эту набережную. Даже под лёгким покрывалом снега светом фонарей и рисунком чугунной ограды она напоминала о жаре и летних прогулках с его бабушкой.

Бабушка – самый добрый человек в мире. Он падал в пух её безграничной суеты и заботы всякий раз, оказываясь рядом. Мама ревновала и радовалась. Отец замыкался, не в силах переварить такое количество эмоций к сыну, которого он хотел вырастить «настоящим мужчиной». Бабушка любила внука с нарушением всех норм и ограничений. А уж как она его ждала.

Артём перелетел через чугунное ограждение и заскользил по набережной, выискивая знакомый поворот в сторону старого двухэтажного дома. Ещё один карамельный город, который и в реальности-то казался удивительным и загадочным.

К следующему ужину их семью ждал сюрприз. В гости безо всякого предупреждения приехала та, кого мальчик навещал во сне. С сумками, баночками.

Пожилая женщина преодолела юношеское упрямство внука и с порога приветила мягкой старческой щекой. Её глаза слезились с мороза, а платок и пальто были припорошены снегом. Артём принял у неё сумки. Мама суетилась, помогая раздеться и вытряхивая на лестнице бабушкино пальто. Они вместе, мешая друг другу, помогли ей избавиться от теплых и тесных сапог.

– Да что ж вы налетели. Я и сама бы смогла. Дома же справляюсь, – виновато приговаривала старушка, поднимаясь с принесённой табуретки. Она сняла платок и распушила руками слежавшиеся под ним волосы, – Ириш, ты уж скажи Михаилу, чтобы не сердился. Я ночку заночую, а завтра и домой, – не унилась она.

– Мам, ну что ты так переживаешь? – возмущенно и радостно

отвечала мать, – Михаил рад всегда, когда ты приезжаешь. Я тебя завтра не отпущу. Ты коту соседке отдала?

– Я Надежде ключи оставила.

– Ну вот и всё. Куда тебе торопиться? – разрешила вопрос мама, наливая из-под крана чайник и затевая суету по кухне.

– А мне давеча Тёма приснился. Проснулась – ну не могу, так хочу вас всех увидеть. Ириш, представляешь, как будто пришёл ночью, посидел и ушёл. А только ушёл – за ним следом девушка какая-то следом, очень красивая. Тёма, у тебя невеста уже есть? Ириш, я не буду ничего, – беспокойно сопротивлялась старушка, с удовольствием принимая навязчивую заботу дочери, – Что ты взяла суетиться? Внучок, принеси мне, пожалуйста, зеленую сумку, у меня тебе подарок ко вчерашнему празднику. А Оленька где?

Их мир заполнился суетой, привезенной и рожденной радостью встречи с близким человеком. Вечер стал теплее, а когда Артём уснул, квартира из сна этой ночи казалась светлее, да и красок в ней прибавилось.

РАСПРАВА

СТИХ ПЕРВЫЙ. ЭПИЗОД ЧЕТВЁРТЫЙ.



*И топор сквозь тело шёл,
Были колокольчики.
Зритель был в восторге, вниз
Вывернуты пальчики.*

*Слаще бражного вина
Первый глоток крови.
Да, желание оно
Пострашней неволи.*

*И на сцену гогоча
Толпы новых масок.
Ой, не надо, сгоряча
Намешаю красок.*

*С топором я, так зачем
Насмехаться смели вы?
Весь я в роли, шутки вы
Зря со мной затеяли.*

*И над сценой взмыло вновь
Остриё багряное,
«Что ж, руби. Ведь ты не я.»
Маска нашептала мне.*

*И топор пошёл плясать.
Боже, что я делаю?
Мог же ведь стряхнуть с плеча
Эту руку белую.*

Халаты и тапочки мелькали в опасной близости от лица и ног Артёма. Лавка в больнице была только одна, и та часто оказывалась запертой в красном уголке после вечернего просмотра телевизора. Так случилось и сегодня, поэтому сейчас Артём сидел на корточках в коридоре больницы, устав отвечать на взгляды проходящих мимо людей.

К тому моменту, когда из мужского туалета раздались звуки криков и разбиваемого стекла, ноги у нашего героя уже ощутимо

затекли. Он увидел, как в десятке метров от того места, где он сидел, дверь туалета распахнулась, и один за другим поспешно вышли несколько человек. Судя по поведению, это были не зачинщики и не участники, а невольные свидетели хулиганства, которые теперь старались скрыться в своих палатах. Артём повернулся в другую сторону, ожидая реакции Студента. Тот уже шёл с поста, сбиваясь с быстрого шага на бег.

– Подожди, – тихо окрикнул его Артём и попытался зацепить за руку. Санитар проскользнул в тапочках по линолеуму, с трудом удержал равновесие, но до конца так и не остановился. Он рывком освободил руку, зло посмотрел Артёму в глаза и уже спокойнее пошёл к двери туалета, – Ключи кому-нибудь отдай, – без надежды быть услышанным проговорил Артём, зная конечную цель этой провокации.

Санитарка Оксана в подобных делах была человеком более опытным. Она перехватила молодого коллегу и что-то ему сказала, не выпуская из поля зрения опустевший пост. Парень залез в карман халата и отдал ей ключи. После этого он уже почти спокойно исчез за дверью.

В туалете всё стихло. Изредка до слуха Артёма доносились обрывки неразличимых резких слов. Потом умолкли и они. Наконец, дверь туалета распахнулась от удара, и в коридор, сгибаясь, поскользываясь и воя от боли, вылетел Женёк. Его правая рука была вывернута вверх и зажата в руках санитара. Подвывая, Женёк уткнулся головой в противоположную стену. Студент ловко ногой закрыл за собой распахнутую дверь и, не отпуская руки, направил смутьяна к дверям его палаты. Они двигались по «женской» стороне, поэтому раскрытые двери палат, встречающиеся им на пути, закрывались ударом Жениной головы. Словно бы случайно, во всяком случае, так это казалось. Из сестринской выскочила медсестра с комплектом «вязок» и засемила за санитаром.

То, что будет дальше, Артём уже мог предположить. Неизвестным числом в этом уравнении оставалось только количество вязок, под которые в этот раз мог угодить Женёк. Варианты

были следующие: одна – за руки к кровати – мягкая форма наказания; две – за ноги и за руки – для буйных; три – для особо отличившихся. Впрочем, в данном уравнении неизвестностей было куда как больше. Не так-то и просто связать человека одному, без навыков и без помощи второго санитара. Очень непросто. Спустя некоторое время Артём понял, что новенький справился. Судя по одной лишней «вязке», которую он вынес с собой, можно было понять, что Женя схлопотал «двоечку». Сразу вслед за санитаром из палаты вышел Фёдор Иванович и уселся рядом с Артёмом.

– Слышишь, Артём, – позвал он шёпотом, – А пацан-то шустрый. Видно, что вязать ещё не умеет, а запеленал быстро, как котенка.

– Это ненадолго, – обронил Артём, понимая дальнейшее развитие событий.

– Вот ты правильно говоришь, Артём. Вот, наверняка, сейчас уже развяжут, – подтвердил Фёдор Иванович. – Видишь, как быстро ты сообразил, – похвалил он молодого человека.

Санитарка, сменившая Студента, тоже это понимала и не торопилась покидать пост, расспрашивая новенького о деталях происшествия. Действительно, прошло не больше пятнадцати минут, когда из их палаты, как будто ничего не случилось, вышел Женёк и отправился в туалет. За ним следовал Фарид с неповторимо тупым и безучастным лицом. Сцена с закрыванием дверей головой повторилась. Дверей было меньше, но, судя по звукам, удары были сильнее. Отличие от предыдущего сценария создавал Фарид, который бежал за ними и приговаривал: «Я правду говорю Вам, он сам отвязался. Может, Вы слабо завязали?»

– Артём, вот как думаешь, загоняют они его или догадается? – спросил Фёдор Иванович, уважительно заглядывая Артёму в глаза. Артём давно подметил эту манеру старика разговаривать и разумно относил её к житейской хитрости, но всегда попадался.

– Не догадается. В прошлый раз санитар на третьем разе сломался, – ответил Артём, вспоминая, как в тот раз санитар сделал вид, что сжалился над мольбами больного и не стал привязывать.

– Ты сходи, посмотри, как мальчишка лихо вяжет.

– Нет уж, я лучше здесь.

Санитар снова вышел из палаты и прошёл на пост. Санитарка с поста предусмотрительно не уходила. Прошло ещё некоторое время. Жёна снова победно прошествовал в туалет под звереющим взглядом Студента.

– Я всё понял, – крикнул в сторону поста больной, останавливаясь у двери туалета, – Честное слово, больше не буду. Я отвязался только в туалет сходить. Сейчас сам пойду и лягу. Не надо меня больше привязывать. Ладно?

Артём видел, как санитарка что-то сказала новенькому. Тот хмыкнул, и на его лице появилась загадочная улыбка.

– Ну, это уже не интересно, – прокомментировал Иваныч. – С подсказками и я бы догадался. Правильно я говорю, Артём?

Артём не ответил. Студент задал санитарке ещё какой-то вопрос, она полезла в карман и что-то передала ему, он вышел с поста и пошёл по коридору. К удивлению Артёма, Студент проследовал до самого конца и там открыл дверь кладовки. Выйдя с длинным хвостом «вязок», он бросил их у двери, медленно запер за собой дверь и, подобрав тряпичные ленты, понес свой подарок во взбунтовавшуюся палату. Дверь палаты в очередной раз открылась и закрылась. Артём слышал, как из-за неё прозвучали возмущенные голоса Фариды и их третьего подельника. Он слышал тихий и почти неразличимый голос Студента. Потом возникла небольшая возня, и все звуки резко и окончательно стихли. В больнице воцарилась тишина.

Через некоторое время из туалета вышел Женёк. Не ожидая подвоха, он направился «домой». Смутьян вальяжно и не спеша отрыл дверь и застыл на входе в палату. Иваныч и Артём увидели, как через некоторое время из-за двери высунулась рука, ухватила главаря банды за ворот олимпийки и резко вдернула его внутрь. Через несколько секунд та же самая рука закрыла дверь палаты изнутри, и, пережив очередной всплеск криков и возни, больница снова погрузилась в тишину.

Иваныч уже успел дать развёрнутую оценку произошедшему, когда новенький санитар вышел в коридор, поправляя халат и утирая со лба пот. Он подошёл к медсестринской.

– Там, в третьей палате, две кровати пустые. Не подскажите, кто их занимает?

– А в коридоре двое сидят, – неожиданно уважительно ответила старшая медсестра. Анжела, кажется. – Они здесь давно уже сидят, – подтолкнула она мысли санитаря в нужное русло.

Студент повернулся и посмотрел на Артёма и Фёдора Ивановича.

– Мы из другой компании, – примирительно и покорно произнес старик.

– У вас в палате профилактические мероприятия. Если там кто-то случайно сам развяжется – привяжу всю палату.

– Мы здесь посидим, – покорно ответил Иваныч, не рискуя проверять на себе правильность узлов Студента. Санитар посмотрел на Артёма, что-то вспомнил и тяжело вздохнул.

– Пожалуй, я все-таки перестраховюсь, – сказал он, глядя Артёму в глаза. – Пойдем.

– Мы законопослушные, – попробовал отшутиться Артём.

– Пойдем, пойдем, – мирно позвал Студент.

Соппротивление было «себе во зло», и Артём поднялся на затёкшие ноги. Старику не пришлось долго находиться в одиночестве. Из палаты №10 вышел ещё один больной, по годам близкий Иванычу, но в противоположность тому округлый и рыхлый. Подойдя к сидящему, он устроился рядом, растирая ладонями сонное, по-женски мягкое лицо.

– Что-то тихо сегодня? – вопросительно проронил он сквозь ладони, борясь с зевотой.

– Спать меньше надо. Проспал ты всё веселье, – равнодушно ответил Иваныч. Мягкие и заискивающие нотки из его голоса ушли, и старик преобразился. Он с усмешкой посмотрел на соседа.

– А что было? – спросил тот.

– Новенький в вязках практиковался.

– Много навязал?

– наших уже всех, кроме меня. Сейчас Артёма довяжет и за мной придёт.

– Вас давно пора приструнить, – хмыкнул собеседник Иваныча. – Женю урезонить не можете, вот и огребаете постоянно.

– Иди, урезонь, – огрызнулся старик. – Урезонишь, я тебе шоколадку дам.

– Если б сто грамм предложил, я бы ещё подумал, – без обиды в голосе ответил новый собеседник. – Да у нас свой такой Женя есть.

Дверь палаты в очередной раз открылась, и оттуда вышел Студент. Он не торопясь направился в сторону поста, но, проходя мимо стариков, остановился. Его лицо расслабилось, снова став немного наивным и мальчишеским.

– Скоро обед принесут, если я вас попрошу, можете разгрузить? – спросил он, очевидно устав от неприятной работы.

– Ну как же не помочь? – улыбнулся Фёдор Иванович, – Даже хочется размяться.

Студент благодарно улыбнулся и пошёл дальше, на ходу вносясь в свои руки. Не дойдя до перегородки несколько шагов, он развернулся, заглянул в туалет, а потом снова направился к дверям усмирённой палаты.

– Что-то забыл, – сказал Иваныч и переступил ногами, устриваясь поудобнее.

– Пошёл проверить, не развязались ли. Собачья работёнка.

ГАДАЛКА

СТИХ ПЕРВЫЙ. ЭПИЗОД ПЯТЫЙ.



*С топором, средь кучи тел,
Весь в крови заляпался.
Может, это мой удел?
За добром лишь прятался?
Что за Демон, что за Зверь
Поднимал здесь мой топор?
Кто же жертва тут теперь?
Кто попал под приговор?
И внутри потух пожар,
Только жар отчаянья.
«Что, сошёл крови угар?» -
Совесь проворчала мне.
«Может, рубишь не того
И не там врага искал?
И на сердце на твоём
Маска сделала оскал?
Кто, хорошее укрыв,
Тебе силу придаёт?
Брось на землю все дары,
Скинь всё то, что не твоё».
Я рву маску через крик
Вместе с кожей и лицом.
Свет погас, и мир затих.
Я есть я? Иль я есть он?*

Тумбочка не влезла в тесную кабинку лифта, и я обречённо посмотрел на своего товарища и его запачканную куртку.

– И что будем делать? – выразил я в голосе накопившееся недовольство и грусть по поводу предстоящего подъёма.

– А у нас какие варианты? – виновато переспросил мой дружище Андрей. Его почти прозрачные брови двинулись вверх.

В принципе, тумбочка была нетяжёлой, и подъём на шестой этаж был по силам даже для таких тощих атлетов, какими были он

и я. У Андрея и его брата была небольшая мебельная мастерская, которая, кажется, не приносила ничего, кроме бесконечных забот. И всё бы было нормально, если бы у брата моего друга не возникали постоянные срочные дела, которые совпадали со сроками доставки наиболее тяжёлых изделий.

– Ну потащили, бизнесмен, – я снова изобразил обречённость.

Площадка шестого этажа была тёмная, номеров на дверях тоже не оказалось. Мне пришлось спуститься этажом ниже, чтобы просчитать номер той квартиры, в которую нам требовалось попасть. Вернувшись обратно, я указал своему другу на дверь, обитую коричневым дерматином. Андрей нажал на кнопку звонка. Ждали мы несколько минут, не меньше. Тащить тумбу назад очень не хотелось. Думаю, что у моего товарища мысли были ещё менее приятными.

– Тебя вообще-то здесь ждут? – поинтересовался я.

– Да. Мы именно на это время договаривались, – ответил он, взглядываясь в темноте в циферблат своих часов.

– Тогда ждём. Я это назад не попру.

– Ждём.

Андрей уже собирался присесть на своё творение, когда изнутри щёлкнул замок. Дверь, перестав быть запертой, открылась сама, под своим весом. За ней слышались удаляющиеся шаги. Андрей слегка надавил на ручку, и дверь медленно закрипела. Нашему взгляду открылась крохотная прихожая в пёстрой расцветке линялой клеёнки, которую было модно тогда вешать вместо обоев.

– Заносите в зал, ребята, – услышали мы женский голос.

Долго уговаривать не пришлось. Спотыкаясь о собственную снятую обувь, мы протащили тумбочку в зал. Подыскав место, поставили товар так, чтобы удивить его совершенством каждого входящего.

В зале было темно и душно. Пахло свечами и ещё чем-то горелым. Убранство комнаты было предельно безвкусным и неряшливым. К ногам что-то липло, и я уже жалел, что разулся.

Андрей предупредил меня, что его клиентка была гадалкой, поэтому всё то, что я видел сейчас, воспринималось вполне себе естественно. Нормальная конура очередного шарлатана.

Из кухни послышались приближающиеся шаги, и мы вытянулись по бокам тумбочки, повернувшись к дверному проёму.

– Добрый вечер, ребята, – женщина средних лет бодро вошла в зал и от неожиданности замерла. В отличие от своей квартиры, она выглядела очень интеллигентно и ухоженно. Хозяйка растерянно оглядела комнату, словно выискивая что-то, оглянулась на прихожую и, видимо, не нашла того, что искала. – В туалете? – Она указала большим пальцем через своё плечо и выжидающе посмотрела на меня.

– Кто «в туалете»?

– Друг ваш. Он в туалет зашёл?

– Нет, – ответил я и указал пальцем на Андрея. – Вот он.

– Этого-то я вижу, – задумчиво сказала хозяйка.

Она сделала шаг чуть глубже в комнату и заглянула за шкаф. Не удовлетворившись, женщина вернулась в коридор и открыла шумящий неисправным бачком туалет. Тот был облезл и пуст. Хозяйка вернулась назад. Она вполне определённо кого-то выискивала, а на принесённый заказ даже не смотрела.

– Мы вам тумбочку принесли, – решил проявить деловую сноровку мой товарищ.

– А? Да, спасибо, – растерянно сказала женщина, продолжая оглядываться. – Ты иди домой, – попросила она Андрея.

Мой друг сделал несколько шагов к двери, обходя нас.

– А деньги? – неуверенно спросил начинающий бизнесмен.

– А, деньги, – хозяйка квартиры залезла в карман длинного халата и достала перемешанные купюры. – Сколько?

Андрей смущённо оглянулся на меня и назвал какую-то смешную цифру, она с ним расплатилась, не задумываясь. Мы все двинулись на выход.

– Подожди, – остановила она меня. – Не уходи пока. Мне с тобой поговорить надо.

Такого в нашем плане точно не было, и поэтому я растерялся.

– Андрей, подожди меня, – попросил я товарища, видя, что он тоже не понимает происходящего.

– Это примерно на час, – поспешно уточнила хозяйка, давая понять, что ждать не стоит. Она осторожно тронула кончик носа ухоженным ногтем и поджала губы, выжидая, когда до моего друга дойдёт смысл.

– Я пойду тогда? – Андрей спрашивал это у меня.

– Давай, – отпустил я его.

Дверь за моим другом хлопнула, и мы с хозяйкой остались наедине. Мой неиспорченный мозг не находил вариантов последующего развития ситуации. Женщина по-прежнему выжидала. Было слышно, как в подъезде открылись двери лифта, как они закрылись. Ещё через несколько секунд хозяйка квартиры с некоторым облегчением вздохнула и пошла на кухню.

– Ты заходи в зал. Я сейчас, – сказала она на ходу. – На стул там присядь. На диван не садись, на нём кошки спят, испачкаешься.

Я прошёл в зал и сел на стул, стоящий в центре комнаты. На кухне слышались какие-то движения, чуть позже пришёл теплый запах работающей газовой плиты. Я терпеливо ждал.

– Меня зовут Ирина. А тебя? – спросила хозяйка, заходя в комнату. В её руках были две миски: одна большая и, кажется, с водой, и вторая, маленькая и металлическая, тоже не пустая.

– Коля, – ответил я.

Женщина поставила посуду на облезлый столик и подвинула ко мне второй стул.

– Коля, у тебя последнее время ничего особенного не происходило? – поинтересовалась хозяйка, усаживаясь на своём стуле в двух шагах от меня. – Может, умер кто из близких?

– Нет. А что случилось?

– Пока ничего не случилось. Просто, необычный ты какой-то, – Ирина поднялась со стула и поинтересовалась. – Ты не будешь возражать, если я вокруг тебя воздух пощупаю?

– Если это бесплатно, то не буду.

– Бесплатно, – засмеялась она сквозь задумчивость.

Ирина зашла мне за спину, и я почувствовал, как вокруг меня стало перекашиваться тепло, чередующееся с колючим холодом. По коже пробежал озноб. Я отстранился и попытался повернуться.

– Не двигайся, – остановила меня хозяйка. – Что? Ты что-то чувствуешь?

– Тепло какое-то.

– Ух ты, Коля, Николай. Не мальчик, а загадка.

Контрастные волны двигались вокруг моей головы, шеи, плеч. Кончики пальцев стало нестерпимо колоть, а в ладонях возник жар. Вообще всё тело покрылось мурашками и холодным потом. Я слышал, как за моей спиной Ирина взяла со стола поставленные туда миски. Чувствовал, как они двигаются над моей головой. Потом все ощущения пропали. Хозяйка вернулась на свой стул. Она приподняла мои брови большими пальцами, обхватив ладонями голову, и долго, внимательно смотрела мне в глаза.

– Что-то не так? – не выдержал я.

– Если честно, то всё не так, – серьёзно ответила женщина.

В то время развелось уже достаточно много всяких магов и целителей, поэтому её слова меня не тронули. Выход на клиента казался бесхитростным и уж очень примитивным. Однако, ощущения были необычные, и понаблюдать за этим театром было интересно. Пока я думал, Ирина сидела, заслонив ладонями своё лицо. Она вдавливала пальцы в веки, словно бы снимая с них груз.

– Ты ведь больше не придёшь, если я тебя попрошу? – спросила она, отрывая руки от лица.

– Нет, не приду.

– Так я и думала, – сказала Ирина.

Она снова посмотрела на меня и снова вздохнула. – Тебя слишком много, Коленька, так не бывает. Не своё ты несёшь. Это должно когда-то закончиться, – она высматривала во мне встречный вопрос, но я не знал, что в этой ситуации должен спросить.

– Это было первое «не так», а второе – ты чересчур отзывчивый – тебя это погубит. Тебе надо или становиться равнодушным или учиться друзей выбирать. Искать тех, кто тебя будет наполнять. Иначе придётся очень тяжело.

– Ну да? – ответил я просто потому, что не знал, как надо реагировать. – А вы меня, наверное, сможете заполнить.

– Да, – произнесла она в задумчивости, а потом спохватилась. – Нет, я не смогу тебя заполнить. От друга своего держись подальше.

– Это почему же?

– Он рядом, пока из тебя есть что взять. Потом он будет тебе не по силам. Лучше сейчас расстаньтесь.

– И он мне будет вредить?

– В твоём случае – очень сильно. Даже не знаю, как тебе и помочь. Тебе девочки какие больше нравятся?

– Как и всем. Красивые, женственные, не сильно умные – усмехнулся я.

– Так и бывает, сначала мы живём стереотипами, а потом петлю ищем. Я не про вкусы твоих друзей спрашиваю, тебе самому какие нравятся?

– Такие и нравятся. А что не так?

– Сам разберёшься потом – «что не так». Ты же всё равно никого не слушаешь. А если слушаешь, то сделай так – лучше пока в таких не влюбляйся, – Ирина сделала губы дудочкой и тихо произнесла в воздух что-то вроде «Пум-пум-пум-пум». – Во всяком случае, если девочку вдруг стало жалко – точно не твоё. Держись подальше. Понял?

– Понял, чего тут непонятного.

– Давай мы с тобой сделаем так: сам пока со знакомствами попрдержись, но если в тебя вдруг какая-то девочка влюбится, то ты не руби сразу. Придите ко мне. Поговорим, чаю попьём. Бесплатно. Хорошо?

– Ирина, зачем мне всё это?

– И действительно, – Ирина улыбнулась, но не прекращала смотреть на меня, словно выбирая, чего ей надо говорить, а чего не стоит. – Но лучше сделай так, как я тебя прошу. Такие приливы, как у тебя сейчас, долгими не бывают. Я такое вообще первый раз вижу. Я думаю, что у тебя всё-таки что-то произошло, но ты этого не знаешь или не говоришь.

– Может быть, и не знаю, – пожал я плечами.

– Ладно. Решай сам. Если найдётся человек, который тебя подхватит – твоё счастье. Нет – будет плохо. Только, когда это произойдёт, ко мне не просись. Я тебя близко не подпущу.

– Почему? Вы же звали только что.

– Потому что, – она снова замолчала, взглядываясь в меня, а затем мягко и по-родному улыбнулась. – А может, и не будет ничего.

– Это скорее всего.

Ирина засмеялась и тронула меня за руку.

– Пойдём. Я тебя перед дорогой чаем напою.

Она задержала свою руку на моей, словно растягивая время. Рука у неё была огненная, но было ощущение, что от этого жара моя мёрзнет.

– А знаешь что, Коля, – сказала гадалка, глядя мне в глаза очень серьёзно, – ты делай сейчас всё, что хочешь. Я про хорошее, конечно. Только не откладывай и на мелкие дела и отношения не разменивайся. Мне кажется, именно сейчас у тебя всё должно получиться. Если счастья своего не упустишь, – Ирина тревожно улыбнулась. – А сейчас пойдём чай пить.